

Броня

Отрывки
из документальной повести

Продолжение.
Начало в № 69, 72, 75, 78, 81, 84.

В конце июня эта группа молодых горняков прибыла к расщелине могучей горы, покрытой дремучим лесом. На большой, почти круглой поляне стояли два свежерубленых барака, в большем из которых предстояло жить добровольцам, а в том, что поменьше, — завтракать, обедать и ужинать. Там же, в столовке, была комната-контора для рудничного начальства.

Ребята обалдели от счастья — в такую они попали благодать. Кругом млеет от июньского зноя нетронутый лес, перекликающийся птичным многоголосием. Невдалеке сверкает на солнце чистой водой речка Яик, как сказали уже работающие здесь башкиры-трудармейцы. На том ее берегу рассыпаны маленькие домики крохотной деревушки Иш-кин. Бросив в бараке тощие свои котомки, добровольцы тут же сбегали на речку и поплескались в холодной ее воде. Паша Поляков наметанным взглядом с ходу определил, что «рыбка здесь водится всякая, и можно будет ее запросто ловить».

Это благостное настроение ребят быстро развеял начальник рудника Скирко, сердито подкидавший новобранцев возле барака. Рядом с ним стояли его заместитель по хозяйственной части Мельников и мастера Тананькин, Лобанов, Антонов. Лобанов и стал с этого дня непосредственным руководителем молодых бурлильщиков. Скирко, выйдя вперед, вплотную к сгрудившимся юнцам, напомнил им, что приехали они не на курорт, а на самую что ни на есть передовую трудовую фронт, и если они этого не поймут и не будут вкалывать как следует, то он, начальник рудника, запросто сможет отправить их в действующую армию, на передовую. Мальчишки посмелее попытались оправдаться, мол, просто решили освежиться после долгой дороги, но начальник еще сильнее заорал, что они смогут освежаться каждый день только после работы. А сегодня — час на поселение в бараке и обустройство, потом — ужин, «который вы еще не заработали». В десять — отбой, потому что завтра в половине шестого — подъем, чтобы в семь часов, после завтрака, уже быть на работе, в забое. «Там мастера распределят вас по рабочим местам».

Так и потекли тяжелые рабочие будни «на передовой трудового фронта». Рядом с расщелиной в горе, где и велась добыча марганцевой руды, пыхтел шумным паром доставленный сюда с комбината локомотив — обычный паровоз без колес, приспособленный как привод для компрессора и генератора, вырабатывающего энергию для освещения забоя. Четверо из добровольцев были определены на этот паровоз помощниками машиниста, то есть обычными истопниками. Сколько же они перебросали дров в ненасытную топку локомотива, сколько перевозили воды из речки для этого черного пыхтящего самовара!

Отбойными молотками с длинными долотами ребята пробивали в рудном теле или в пустой породе глубокие отверстия. Взрывники закладывали в них взрывчатку и подрывали. Вскоре всю эту работу добровольцы выполняли сами, поскольку профессиональных взрывников было только двое, да и тех ближе к осени пришлось вернуть на рудник горы Магнитной. Разорванные таким образом куски руды или пустой породы трудармейцы, в большинстве своем — зрелого возраста деревенские мужики с некоторыми физическими недостатками, не позволившими им быть призванными на фронт, грузили лопатами на машины. А те отвозили руду на склад. Пустую породу — в отвалы.

На складе руды также лопатами, похожими на мощные совки на длинной ручке, другие трудармейцы погружали в армейские машины. Дюжие жилистые башкиры полный кузов ловко накидывали всего за полчаса. Водители в пропотевших гимнастерках едва успевали за это время перекусить в столовой. А иные во время погрузки копались в моторе, что-то подкручивали под машиной.

Тут же вместе с трудармейцами и

пацанами-добровольцами работали и зеки, заключенные из по соседству разбитого временного лагеря. Не работали только командиры трудармейцев да конвоиры, которые утром приводили своих подопечных под ружьем, а вечером вводили их за высокий таинственный забор лагеря.

Пока продолжалось лето и было тепло, ребята смывали с себя толстый слой рудничной пыли в светлой речке. Озорно плескались в воде голышом, изредка стирали нехитрое свое бельешко да рубашонки. А с наступлением ненастья и холодов такая благодать улетучилась. Пропало у ребят и желание искупаться в потемневшем Урале. Только Паша Поляков хитрил сбежать потихоньку на заветные тихие местечки, где уже наловчился ловить хитрюшную, но исключительно вкусную рыбку. Ребята, работающие на локомотиве, приносились ловко запекать этот поляковский улов, и вечно полуголодные добровольцы устраивали в тайне от начальства праздники.

С наступлением бабьего лета заставили ребят «поработать на себя», выкопать длинную и широкую, метра полтора глубиной, ямину. Выставили стойки-столбы, на них положили поперечные балки — получился каркас вместительной землянки, почти блиндажа. Вставили маленькие окошки, обшили землянку изнутри горбылем, накрыли нестроганным потолком, устроили односкатную крышу, плотно уложенную дерном — вот и получилось вполне приличное жилище, которым искусные трудармей-

ме Лобанова, уехало «пировать водку» на уразовскую мельницу, где проводило досуг практически каждое воскресенье.

Многие из ребят только пригубили из своей чекушки, скорее, из любопытства, чем от желания напиться. Большинство трудармейцев, видимо, ожидали выдачи водки с вожделием, поэтому она была выпита без промедлений. Один из башкир, обросший густой гривой с проседью, захмелев от принятого, несмело затянул в своем углу протяжную песню. Но постепенно в глухой тишине землянки его голос обретал силу и открытое звучание. Башкиры с почтением прислушивались к гимну родной земле, ее синим горам, быстрым рекам и диким урманам. А ребята и трудармейцев-русских очаровали необыкновенные переливы песни, свобода и мощь голоса, вдохновенного красотою родной земли. И даже когда кончилась песня и последние звуки, высоко взлетев, вдруг пали вниз, в блиндаже сохранялась благодатная тишина.

— Ай, рахмат яйугур, егит! — горячо произнес кто-то, нарушив эту тишину.

Затем прозвучало еще несколько слов благодарности из разных уст. Исполнитель ничего не ответил на это, задыхаясь в своем темном углу горькими слезами воспоминаний о своем доме и семье.

— Ребята, — послышался в полумраке землянки степенный голос Ивана Титкова. — Вы же, наверно, водку-то свою не выпили. Давайте-

Сколько же они перебросали дров в ненасытную топку локомотива, сколько перевозили воды из речки для этого черного пыхтящего самовара!

цы остались довольны. Прямо посередине землянки-блиндажа поставили печку-буржуйку, весело гудевшую от жарких березовых дров.

Справили новоселье в конце сентября, когда по утрам под ногами ребят, идущих в кромешной темноте к забоям, громко похрустывала покрытая белым инеем трава. Возвращались с работы тоже уже в сумерки. Заходили в столовую, за дверями которой мастер выдавал лучшему, на его взгляд, работникам талоны на дополнительное питание, и осоловевшие не от еды, а от столовского тепла почти трусцой добирались до своего похожего на пещеру жилища. Сняв только верхнюю одежду и тяжеленную обувь, валились в чем оставались в постель и почти моментально забывались в тяжелом, душном сне.

Ни бани, ни подобия прачечной на руднике не было. Может быть, поэтому ни трудармейцам, ни ребятам-добровольцам ни разу не заменили постельного белья, ни единого раза не постирали личных вещей. Заключенные оказались здесь даже в лучшем положении: им постельное белье заменяли через каждые десять дней.

Возможно, поэтому один из пожилых трудармейцев, участвовавший еще в первой мировой войне, как-то проговорился, что он был в плену у немцев и было там ничуть не хуже, чем на этом руднике, и даже лучше. Немногом более чем через неделю на руднике состоялся показательный суд над незадачливым ветераном первой мировой. И присудили ему «за распространение фашистской пропаганды и пораженческих настроений» десять лет лагерей.

Случилось это как раз накануне двадцать пятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В честь этого светлого праздника всем неподконвойным работникам рудника было выдано на ужин после рабочего дня по чекушке водки, которую молча пили даже ни разу не пробовавшие горькой пацаны. И даже захмелев, все хмуро молчали, хотя знали, что все начальство, кро-

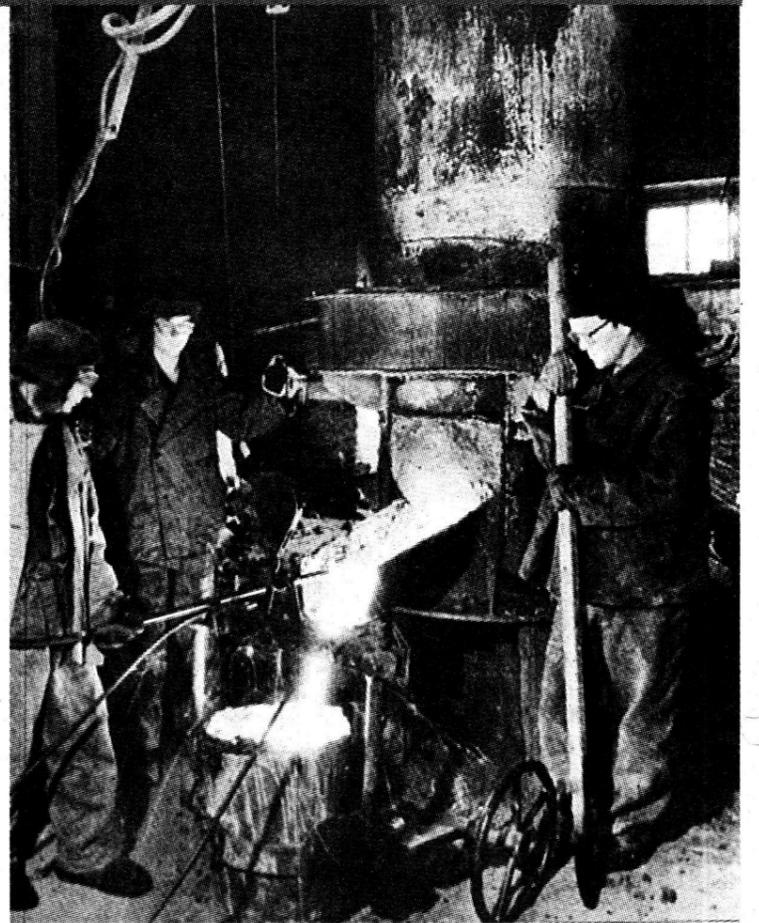
ме ее сольем вместе да настойку лекарственную сделаем. Зима-то нас долгая ждет, вдруг кто простудится, захворает, а у нас хоть будет чем вылечить друг друга. Больше нам здесь, ек-канарек, не на кого надеяться. Начальству, как видите, и дела нет до здоровья какого-то Митьки Жвакина или Ваньки Гвоздева.

— А чо настаивать-то будем? — откликнулся первым Паша Поляков. — Травы-то уже все пожухли в лесу. Опоздали мы.

— Осиную кору будем настаивать. Разве ты, парень, не слышал, что она самая полезная в лесу? Ты лес-то вроде хорошо должен знать. Может, обращал внимание, кору какого дерева зверье лесное больше всего любит? Вот лежат в лесу поваленные рядом, допустим, сосна, береза, рябина и осина. Все деревья будут лежать нетронутыми, только гниль их будет точить изнутри, а осина уже через несколько дней будет вся чистенько обглодана. А почему, ек-канарек? Да потому, что всякая животинына в лесу: и лось, и косуля, и заяц, и медведь, и барсук — знают, что горькая кора осинового от сорока хворей оберегает. Вот и старается каждый этим оберегом запастись. А нам-то, людям разумным, грех будет не иметь такого полезного лекарства. Ну что, ек-канарек, будем настой делать?

— Будем, конечно, — первым понес свою чекушку Поляков. — Меня бабушка всегда лечит от всех болячек всякими травами. Запасала их пучками на всю зиму и весну, а вот осинового коры она почему-то никогда не приносила.

Паша, видно, у деда и бабушки своих многому научился. Когда лето Коля Пугачев острым ножом нечаянно распластал себе ладонь на левой руке, Паша, шаг ступив в лес, надергал под соснами крупных мохнатых листьев «йодной травы», как он сказал, энергично растер ее меж своих ладоней, так что она моментально побурела, и на Колину рану отжал в кулаке тоненькую струйку сока, действительно похожего на на-

стойку йода. И рана моментально перестала кровотоочить. А потом буквально с минуту походил возле речки, нарвал там еще какой-то травы и, слегка помяв ее, приложил к ране и наказал Коле, провожая его в медпункт, чтобы перевязку там сделали именно с этой волшебной травкой. Когда дня через три рана на Колиной руке совсем почти зажила, удивленной фельдшерница даже спрашивала у Паши, что за траву тот прикладывал травмированному.

Как пошли снега и речка спряталась подо льдом, Паша Поляков раздобыл где-то небольшой моток тонкой и мягкой между очередами взрывами он убежал в лес, искал на опушках заячьи следы. На хорошо обозначенных тропинках ушастых ставил силки. Вернувшись, шепнул ребятам, что поставил несколько петель на зайцев, завтра надо будет сбежать проверить их и, чем черт не шутит, может, доведется зайчатинкой побаловаться.

И правда, на другой день Паша вернулся из леса тихо сияющим и каким-то неказисто толстым. Ребята поняли — удача! И везет же этому курносому Пашке! И действительно, он принес, спрятав под фуфайкой, двух законченых уже зайцев. Хорошо, вовремя успел, а то уже лисьи следы невядалеке видел. «Ничего, и до них доберусь!» — пригрозил Паша лисам. — Шапка хорошая получится. Только лисы похитрее будут, в петлю они не полезут, как эти дурные зайцы».

Отнес свои охотничьи трофеи на паровоз и сказал там ребятам, чтоб они аккуратненько пожарили тушки на огне. А вечером после ужина добровольцы завернули «в ресторан «Коммуна». Это название локомотива как-то тихо, без лишней ушей утвердилось среди ребят еще с лета. Ведь в песне как поется? «Наш паровоз, вперед лети! В коммуне — остановка». А если тут наш паровоз остановился на постоянный прикол — значит, здесь и коммуна.

Каждому пахучей сочной зайчатинки досталось на один зубок, но все были довольны. Все хвалили Пашу Полякова, какой он умелый охотник. В шутку предупреждали его, чтоб он всех зайцев за зиму не переловил, а на расплод хоть немного оставил. Благодарили коचेгаров за то, что хорошо приготовили мясо. А потом дошла очередь и до зайцев. Многим из ребят впервые довелось попробо-

вать настоящей зайчатинки прямо из леса, поэтому она им показалась жирноватой.

— Да уж, они в лесу по талонам да по карточкам не живут, — тут же нашел объяснение Паша, но потом успокоил привередников. — У зайцев вообще мясо белое, как и у кроликов. А кто зайчатину постоянно ест, тот, знаешь, как бегает? Быстрее самого зайца.

— Вот ты и догнал, наверно, этих двух толстяков, — под общий хохот сделал кто-то предположение. — Интересно, а завтра ты сможешь еще кого-то догнать?

— И завтра смогу, и послезавтра, — вполне серьезно отвечал Поляков. — Только бы снегу больше не навалило — без лыж не смогу обойти все свои петли.

— Надо будет лыжи тебе сделать, широкие такие, охотничьи, — предложил Коля Пугачев. — Я попытаюсь что-нибудь придумать. Надо выломать из забора колонии пару досок и выстругать из них лыжи.

— Только не из забора колонии, — предупредил Сережа Чурсин. — Там же охрана кругом, еще пулю схлопочешь из-за двух досок. Если даже выломаешь, там, знаешь, что будет? Еще подумают, что кто-то сбежать хотел. Надо нам, чтобы из-за нас невинных зеков трясли!»

На следующий день Коля Пугачев внимательно приглядывался буквально к каждой доске, какая попадалась ему на глаза. Как назло попадались в поле зрения только толстые «сороковки» да «пятидесятки». Потом сообразил, что надо сбежать в деревушку на том берегу Яика. У башкир-трудармейцев долго учился, как приветствуют на башкирском языке. Те долго учили его, снисходительно посмеиваясь, и наконец сказали ему, что все равно у него вряд ли что получится, потому что у него «язык толстый» — для произношения таких звуков, каких в башкирском языке вообще нет. А затем, хитро поглядывая на парня, поинтересовались, для чего он хочет заглянуть в мясарскую деревушку, где остались одни лишь дети да женщины.

— Да лыжи хотел спросить для Пашки Полякова на время попользоваться, — с наивной простотой ответил Коля. — А что, разве это не башкирская деревня? — поинтересовался попутно.

Продолжение следует.